

**Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:**

Брошь с черным опалом

Портрет девочки в шляпе

Королевская лилия

Крест Шарлотты

Антикварная история

Пруд с золотыми рыбками

Слеза Евы

Забытый аромат

Семейная реликвия

Красное солнце валькирии

Французское наследство

Нить наяды

Царский подарок

Кипарисовый крест

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины

Гребень Матильды

Танец Иды

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

К О Р О Л Е В С К А Я
Л И Л И Я

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Дорош, Елена.

Д69 Королевская лилия / Елена Дорош. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-227133-5

Алексей Округин – винодел, который всего добился сам. У него собственные виноградники и вин-заводы, разбросанные по всему миру. В основном он живет за границей, из родных в России у него остался только дед. В город детства Алексей возвращается, узнав о смерти Макара Ивановича. Жалея, что опоздал на похороны, он отправляется в дом, где дед жил и работал сторожем последние несколько лет. Казалось, в большой семье Ольховских все относились к Макару Ивановичу с теплотой, однако обстоятельства его смерти настораживают Округина. Начиная расследование, он еще не знает, что не только вычислит убийцу, но и встретит свою любовь...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош Е., 2025

© Оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-227133-5

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шасси громко стукнулись о взлетную полосу, самолет трянуло, и особо впечатлительные пассажиры ойкнули. Хотя чего ойкать, все равно приземлились, хоть и неаккуратно. Сильно пожилая дама, сидевшая в соседнем кресле и всю дорогу читавшая роман под названием «В плену страсти», перекрестилась и, пока они подруливали к терминалу, достала из сумочки косметичку. Она неторопливо накрасила губы, припудрилась, надушилась, посмотрела на себя в зеркальце и, как заметил Округин, осталась довольна увиденным. Почти двадцать часов перелета из Сантьяго в Москву, а старушенция выглядит свежей и бодрой. Алексей попробовал распрямить попеременно обе ноги и понял, что получается плохо. Тело затекло и окостенело. И это в бизнес-классе. Как же чувствуют себя те, что летели в другом салоне? Впрочем, судя по соседке, развалиной себя ощущает только он.

Округин словно нехотя вылез из кресла и в числе последних пассажиров пошел к выходу.

«Оттягиваешь момент, когда уже не сможешь прятаться от несчастья? Засовываешь в песок свою тупую страусиную голову? Трус ты, Леха. Самый что ни на есть распоследний!»

От этой мысли Округин сразу разозлился и стал передвигаться быстрее. Вещей, кроме тех, что успел зачихнуть в рюкзак, у него не было, поэтому через транзитный коридор, нигде не задерживаясь, он вышел в зону посадки на самолет до города детства и успел даже выпить чашку кофе, хотя рейсы были состыкованы впритирку друг к другу. Уже в салоне Округин с удивлением заметил, что недавняя соседка, мило улыбаясь, садится в кресло перед ним. Удобно устроившись, старушка достала свою книгу и с видимым удовольствием углубилась в чтение про плен и страсть. Что за прелесть! Скорее всего, ей глубоко за семьдесят, а сил как у молодухи. Алексей подивился и тут же вспомнил деда. Тот и в восемьдесят восемь был крепок. Дети войны и послевоенной поры вообще отдельная тема для исследования. Столько пережили, а не сдаются и в старости. Наверное, у них какой-то ген специальный сформировался, от которого появляется повышенная стрессоустойчивость.

Взять хоть деда Макара. Никогда не думал о возрасте. Не ныл, не бегал по поликлиникам. Жил, работал, ждал приезда внука...

А тот не приезжал четыре года. Четыре года занимался своими проблемами и был уверен, что нет ничего важнее. Его проблемы, они ведь самые

проблемные проблемы в мире! А дед, он ведь вечный! Куда он денется?

Округин отвернулся к иллюминатору и закрыл глаза.

Когда двадцать два года назад Леха Округин уходил в армию, то не знал ничего о мире, о людях и о себе самом. Был прост, как правда, и невежественен, как недоросль Митрофанушка из бессмертной комедии Фонвизина. Именем прилагательным слово «дверь» он, конечно, не считал, но в целом был неучем еще тем.

Там, в армии, Леха встретил человека, который навсегда изменил его жизнь. Это был вовсе не умудренный жизненным опытом отец-командир, а такой же солдат, как Округин. Такой же, да не такой. Два года на соседних койках с потомственным виноделом Димкой Скориным открыли недорослю глаза на то, чему он хочет посвятить жизнь. Леха решил, что тоже станет настоящим виноделом. Может быть, даже знаменитым.

Сказано — сделано. После дембеля, ненадолго заехав домой, где ждал его возвращения единственный близкий человек — дед Макар, парень отправился на виноградники Краснодарского края. Учиться и работать.

Все сбылось. За прошедшие с тех пор годы Алексей Округин сумел стать настоящим виноделом и известным в этой сфере специалистом. Было чем гордиться.

Вот только хвастаться успехами и победами теперь не перед кем. Несколько дней назад дед умер.

Пока Леха учился сначала в колледже, потом в институте и работал на чужих виноградниках, постигая азы виноделия, Макар Иванович поддерживал внука как мог. Не деньгами, конечно. Их в маленькой, состоящей их двух человек семье отродясь не бывало. Но упорству и умению никогда не сдаваться Алексей научился именно у деда. Паренек работал, как вол, как галерный раб, как проклятый, поэтому довольно быстро стал хозяином небольшой винодельни в Краснодаре. Потом расширился, заматерел, научился зарабатывать деньги и, наконец, решил попробовать открыть свою винодельню в Старом Свете.

По наивности Округин думал, что для успеха достаточно просто уметь делать хорошее вино. Он очень плохо представлял, как работают рыночные механизмы. Но именно это было важно. Европейские винодельческие круги неохотно пускали к себе пришельцев из других стран. И это, мягко говоря.

Сначала молодой и полный радужных надежд Округин пытался организовать бизнес в Испании, но ничего не вышло. В этой стране самостоятельно торговать на рынке могут только крупные винодельни, которые испанцы называют «бodegaми». Мелкие хозяйства обречены просто продавать им свой виноград. Алексей хотел большего, гораздо большего, поэтому, сделав еще несколько неудачных попыток, для воплощения своих «мечт» выбрал Португалию. Ему понравилось, что в этой чудесной стране хорошее вино можно

делать абсолютно в любом месте, а не только на четко обозначенных территориях типа Дору или Минью, где делают знаменитое винью-верде, что в переводе означает «зеленое вино».

Округин обожал вина из местных сортов винограда, особенно розовые, немного игристые и очень легкие. Иногда, устав после тяжелого дня, он наливал холодное молодое вино в граненый стакан, когда-то подаренный ему дедом, и выпивал большими глотками, как в детстве лимонад. Голова становилась легкой, словно воздушный шарик, а накопившиеся проблемы смывались с души, как паутина серой гнили с листьев винограда под струей чистой воды.

Именно в Португалии Алексей наконец ощутил себя настоящим виноделом. Через семь лет каторжного труда, полного провалов и ошибок, он вышел на хороший уровень и впервые попробовал свои силы на престижном конкурсе в Париже. Его красное вино во время «слепой дегустации» высоко оценило жюри. Округин почувствовал, как за спиной выросли крылья, вдохновился и тут же влюбился.

Ее звали Дженнифер. Она выросла во Флориде. Здесь, в Париже, сопровождала выставку в качестве переводчика и была на тот момент совершенно свободной. Причем во всех отношениях. Потом Округин часто вспоминал, как Гоголь в «Мертвых душах» разделил местных дам на «просто приятных» и «приятных во всех отношениях». Дженнифер, несомненно, была дамой приятной во всех

отношениях, а значит, не страдала абсолютно никакими комплексами. Она выделила Округина из массы виноделов и сразу взяла в оборот.

К тому времени Алексею было уже за тридцать, и он считал себя вполне искушенным мачо. Однако головокружение от успехов плохо сказалось на его способности мыслить критически, поэтому пребывающий в эйфории винодел сразу ничего не понял и просто пошел на зов природы. Американка была хороша собой и воплощала именно тот тип, который обычно нравится мужчинам в определенном возрасте. Ноги, задница, грудь — все было высшей пробы. Дед Макар, любивший крепкие выражения, называл такой «набор» по-другому — «сиськи, письки и хвосты». Алексей вроде бы даже все понимал, особенно насчет «хвостов», но только когда дело не касалось Дженнифер. В этом случае он как раз был уверен, что в американку влюбился из-за ее неповторимого шарма и недюжинного интеллекта. Она так поразила его воображение, что роман закрутился стремительно.

Довольно долго умница Дженнифер держалась на расстоянии, в дела не лезла, не мешала, одяло на себя не тянула. Алексей по-прежнему был поглощен работой и воспринимал присутствие рядом красивой женщины как бонус. Позже он понял, что именно его примитивно-утилитарный подход стал причиной того, что случилось.

Впрочем, сначала все шло прекрасно. Ушлая американка привнесла в его жизнь много ново-

го, и он был ей благодарен. Она не говорила по-русски, и Округину поневоле пришлось улучшить английский, «подкачать» французский и португальский. Искушенная в хитросплетениях светской жизни любовница научила работягу-винодела достойно вести себя в любом обществе, носить костюмы от Тома Форда и выбирать правильную обувь. С ней он не то чтобы полюбил светские рауты, но стал извлекать из них пользу — знакомиться с нужными людьми, находить инвесторов, выстраивать отношения с истеблишментом. Модные постановки, выставки авангардных художников, даже показы мод на парижской неделе стали частью его жизни и многое дали в плане латания дыр в образовании. На какое-то время процесс так увлек Округина, что он напрочь отвлекся от работы и спохватился только тогда, когда брошенные без присмотра виноградники в Новой Зеландии чуть не сожрала мерзкая тля по прозвищу филлоксера. Алексей оставил Дженнифер в Нью-Йорке в разгар сборов на премьеру нового мюзикла и улетел спасать свои драгоценные лозы.

В то время, когда бизнес в Европе только начинал проклевываться, Округин дал себе слово перестать материться через слово по старой привычке. Как известно, русские матом не ругаются, они «им разговаривают». Молодому бизнесмену казалось, что в культурной европейской среде навык виртуозного владения ненормативной лексикой оценен не будет. Все проблемы, возникающие во время работы, он решал цивилизованно,

на хорошем литературном языке. Все вроде бы шло нормально, и рабочие отлично его понимали. Сломался он как раз в Новой Зеландии. Оказалось, вместо того чтобы срочно начать бороться с прожорливой тлей, новозеландский народ сосредоточился на горячем обсуждении перспектив распространения филлоксеры и вариантов найти работу у другого хозяина, чьи лозы тля к тому времени сожрать не успеет.

Вот тогда Округин понял, что нет в мире доходчивей слова, чем русское матерное идиоматическое выражение, и закон этот работает по всему земному шару, от Камчатки до Занзибара, далее — везде.

Работать сразу начали все, и весьма дружно. Округин даже повысил свой рейтинг в местных кругах. Жалко только, филлоксера мата не понимала и подыхать не торопилась.

Избавиться от зловредной тли было непросто, поэтому на новозеландских виноградниках пришлось проторчать почти три месяца. Он вернулся, готовый извиняться за то, что так неожиданно оставил подругу одну, но, к его удивлению, она словно не заметила отсутствия бойфренда и встретила так, словно они расстались вчера. Округин счел это добрым знаком, потому что не терпел, когда женщины начинали обижаться, дуться и играть в молчанку. Решив, что ему необыкновенно повезло с любовницей, он уехал в Чили контролировать сбор урожая. Дженнифер с ним не полетела. Ее пригласили сопровождать

выставку в Сан-Франциско, и Округин был даже доволен тем, что она занята и ему никто не мешает. Все было просто прекрасно. Он вернулся соскучившимся. Она была счастлива. На волне обобщенной радости они махнули в Андорру кататься на лыжах. И пусть из фешенебельного курорта в Грандваллире Округин уехал раньше, поскольку его присутствия требовали недавно приобретенные виноградники в Тоскане, отдых в горах принес массу удовольствия.

В таком духе их отношения продолжались четыре года. Изредка Алексей подумывал о том, что они с Дженнифер так и не сблизились настолько, чтобы сделать следующий шаг и поговорить о свадьбе. Мысли подобного рода приходили нечасто, ни к чему конкретному не вели, и все шло по-прежнему.

А потом он совершенно случайно узнал, что довольно давно Дженнифер живет еще с одним мужиком. Так сказать, параллельно. Стала понятной ее сверхспокойная, близкая к равнодушной реакция на его отсутствие, а также нежелание надолго уезжать вместе с ним. Попутно выяснилось, что второй любовник живет за его, Округина, счет, потому как к сорока годам пребывает в статусе не признанного миром гениального художника. Алексей был не то чтобы оскорблен, но раздосадован. Роль рогоносца сама по себе малопочтенная, а рогоносца, который оплачивает услуги того, кто эти рога ему наставляет, — вдвойне.

Он не стал устраивать разбор полетов, а просто уехал в Россию, заблокировав все кредитные карты, оформленные на любовницу. В Крыму как раз начинали возрождаться винодельни, уничтоженные когда-то в пылу борьбы за трезвость, и дел было невпроворот. Рефлектировать по поводу личной трагедии оказалось абсолютно некогда, все пришлось начинать с нуля, каждый шаг давался тяжело, чему Округин был несказанно рад.

В один из коротких перерывов Алексей съездил к деду в Воронеж. Макар Иванович как раз распрощался с почетной должностью вахтера на проходной одного из заводов и был свободен. За несколько лет до этого Алексей подарил ему квартиру в центре, дед перебрался туда из родовой развалюхи в деревне и довольно быстро привык к городской жизни. Приехав, Округин сразу затеял ремонт на кухне, до которой у неприхотливого Макара Ивановича не доходили руки, заставил старика пройти серьезное обследование и отправил в отличный кардиологический санаторий. Пару раз навестил его там, чтобы убедиться в качестве лечения, а засим отбыл обратно в Крым возрождать отечественное виноделие.

Было это четыре года назад. Алексей собирался приехать к деду месяцев через пять-шесть, но тут началась «санта-барбара» с Дженнифер.

Почему-то Округин пребывал в железобетонной уверенности, что она расстанется с ним легко, ведь все было так очевидно. И ошибся. Как истинно американская женщина, Дженнифер по-

дала на него в суд за то, что своим пренебрежением и частыми отлучками он спровоцировал ее на измену. На фоне переживаний у бедной девушки развилась неврастения и возникла угроза астмы. Пока Округин приходил в себя от такой наглости, адвокаты, работу которых она оплачивала украденными у бывшего любовника деньгами, рьяно принялись за дело. И кто знает, чем бы все закончилось, если бы он не платил своим адвокатам намного больше. Тяжба в лучших американских традициях тянулась почти год. Выбраться из этой истории Алексею все же удалось, хотя и не без потерь.

Однако правду говорят, что беда не приходит одна. Чуть только Округин пришел в себя и предприимчивая американка окончательно исчезла из его жизни, как в Чили, где он к тому времени имел самые обширные виноградники, случился «сахарный» скандал. Виноделов нескольких хозяйств Центральной долины уличили в добавлении в сладкие вина некоего вещества, входящего в состав антифриза. Сама по себе добавка была не опасна, но публика была шокирована. Разразившийся скандал привел к кризису в виноделии страны и затронул даже тех, кто, подобно Округину, выращивал виноград совсем в других регионах и никогда не мухлевал. Чилийские вина просто перестали покупать. Это был удар ниже пояса. Алексею пришлось, не отвлекаясь ни на миг, работать день и ночь три года, чтобы сохранить то, что создавалось непосильным трудом.

В этот непростой период дед, понимая, что внуку приходится туго, выходил на связь каждую неделю и подробно рассказывал все местные новости. Сидеть сиднем в шикарной квартире Макару Ивановичу надоело через три месяца после ухода с престижной должности вахтера. Силы еще были, поэтому через знакомых он устроился сторожем на дачу в ближайшем пригороде. Работа знакомая и не пыльная, уверял дед. Хозяева наезжали только летом, зимой дом пустовал. Дед жил отдельно, как он говорил, «в сторожке», и помимо охраны хозяйского добра понемногу плотничал, кое-что чинил, топил печь. Когда Алексей спрашивал, не тяжело ли ему одному и не опасно ли это в случае, если станет плохо с сердцем, Макару Иванович уверял, что на свежем воздухе сердце у него работает, как «пламенный мотор». Глядя на экран монитора, Алексею казалось, что дед в самом деле выглядит веселым и бодрым.

— Потерпи, дед, как только разгребу тут, сразу приеду, — успокаивая скорее себя, говорил Округин.

— Да не переживай, Алексейка! — бодро отвечал Макару Иванович. — Ты свой бизнес спасай, а я тебя в любом случае дождусь. Чего еще мне делать?

Как-то дед сообщил, что в доме появилась хозяйка. Мол, переехала поближе к природе по состоянию здоровья.

— Теперь народу тут поприбавилось. К ней еще тетки какие-то ходят, типа присматривают.

Так что ты, Алексейка, не бойсь. Если что, и за мной присмотрят.

Округин уточнять насчет хозяйки и пришлых теток не стал, но в самом деле немного успокоился. Все-таки старик не один там кукует. Ну а в случае чего они с дедом всегда на связи. Будут созваниваться почаще, а там, глядишь, все наладится и Округин приедет. Ему казалось, у них еще много времени. Макар Иванович крепок душой и телом, поэтому с ним ничего не может случиться.

Но вышло по-другому.

В ГОРОДЕ ДЕТСТВА

Они разговаривали по видеосвязи обычно в воскресенье — единственный день, когда Округин позволял себе расслабиться. Макар Иванович звонил, когда в воронежских краях начиналось утро, а «в заграницах», как любил говорить дед, наступала ночь. Алексей всматривался в дорогое лицо, вдоль и поперек испещренное глубокими морщинами, слушал дачные новости, рассказывал о своих делах и чувствовал, что счастлив.

Так было и на этот раз. Макар Иванович выглядел как обычно, говорил хоть и со старческим покашливанием, но бодро. Тоже как всегда. Алексей спрашивал, дед отвечал, потом наоборот. Наказав старику беречь себя и не курить слишком много, он отключил скайп и пошел спать, уверенный, что услышит деда через неделю.

Но беда пришла раньше. Неделя выдалась тяжелой. Новые бочки из французского дуба оказались с изъяном, и отличное вино, приготовленное для долгой выдержки, стало выдыхаться и киснуть. Округин срочно вылетел в Италию

исправлять положение, а оттуда прямым отправился в Чили. Проблемы обнаружались и там.

Известие о том, что дед Макар умер, нашло его не сразу. Офис получил сообщение только через два дня, а к нему на дальнюю винодельню в горах оно дошло еще через сутки, в пятницу вечером. Разбираться как при современных способах передачи информации такое вообще могло случиться, было некогда. Алексей срочно выехал в Сантьяго и лишь через пятнадцать часов смог улететь оттуда в Москву.

Он понимал, что опоздал катастрофически, деда похоронили без него и проститься с ним уже не суждено, но запретил себе об этом думать. Иначе не выдержит. Он надеялся проспать весь перелет просто потому, что зверски устал, однако отключиться не удалось. В мутной полудреме злой и уставший Алексей промаялся половину пути, а оставшееся время сидел, тупо уставившись в карту полета на мониторе перед креслом.

Чуть больше часа перелета от Москвы до Воронежа Округин провел так же, как предыдущие двадцать: или безуспешно пытался заснуть, или смотрел перед собой осоловелыми глазами. На этот раз пилот посадил машину мягко, некоторые даже не заметили, как оказались перед терминалом. Алексей встал первым и быстро пошел по «рукаву» к выходу. Где-то там, у «зеленого коридора» его ждет верный помощник Саня. Он летел из Лиссабона, поэтому должен был прибыть намного раньше.

Голову, возвышавшуюся над всеми, Алексей, казалось, увидел сразу, но Саня все же заметил его раньше и первый поднял руку.

— Здравствуйте, Алексей Петрович, — сказал он, забирая рюкзак, — я забронировал номер в отеле.

Округин посмотрел удивленно:

— А в квартире что?

— Да там, как оказалось, жильцы живут. Квартиранты, — пояснил Саня, видя, что начальник смотрит с недоумением.

— Откуда они взялись?

— Макар Иванович пожить пустил, чтобы квартира не пустовала.

Этого Алексей не знал.

— Давно?

— Да нет. Четыре месяца.

— Зачем деду это нужно? Денег, что ли, не хватало? Быть того не может.

— Да при чем тут деньги? Я же говорю, квартира годами без присмотра. А если воры? Или трубу прорвет? Жильцы говорят, что оплачивали только коммуналку, и все.

— Все равно сначала заедем на кладбище.

— Может, поспите?

— Не засну все равно.

На могиле стоял деревянный крест. Лежали два венка и несколько пучков живых цветов. Фотографии не было. Сердце болезненно сжалось. Могила деда Макара выглядела сиротливо.